

Е.Б. ДЗАПАРОВА
(Владикавказ)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ КАК СПОСОБ ДОСТИЖЕНИЯ АДЕКВАТНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Освещена одна из малоисследованных проблем теории и практики художественного перевода – достижение его адекватности путем использования лексических трансформаций. На основе сравнительно-сопоставительного анализа разноязычных текстов (осетинского → русского) рассматриваются возможности передачи смысла и образов с исходного языка на переводящий.

Ключевые слова: адекватность, исходный язык, исходный текст, переводящий язык, переводимый текст, переводной текст, трансформация.

В теории и практике художественного перевода существует точка зрения о том, что успех при переводе зависит от мастерства и опыта переводчика, от степени владения им исходным и переводящим языками. Поскольку адекватность является наиболее ценным и важным критерием при переводе художественного текста, цель сознательного, ответственного переводчика – достижение соответствия переводного текста исходному на смысловом, коннотативном, формальном уровнях. Для этого в переводческой деятельности необходимо использовать различные способы и приемы перевода. Переводческие трансформации (преобразования) позволяют переводчику художественного текста находить оптимальные переводческие операции для решения тех или иных задач. Под трансформацией Н.К. Гарбовский понимает «такой процесс перевода, в ходе которого система смыслов, заключенная в речевых формах исходного текста, воспринятая и понятая переводчиком в силу его компетентности, трансформируется естественным образом вследствие межязыковой асимметрии в более или менее аналогичную систему смыслов, облакаемую в формы языка перевода» [5, с. 366].

В теории перевода выделяют следующие разновидности переводческих трансформаций: лексическую, грамматическую, стилистическую. Каждый из указанных трех видов Е.А. Огнева классифицирует:

– лексические – дифференциация, конкретизация, генерализация, смысловое развитие, антонимический перевод, целостное преобразование, компенсация потерь;

– грамматические – замена пассивных конструкций активными, сложных синтаксических конструкций простыми, переход от обратного порядка слов к прямому, смена исходного подлежащего, замена односоставных предложений двусоставными полными;

– стилистические – стилистическая компенсация, смена стилистических коннотаций, адекватные замены, метафоризация / идеоматизация, «выпрямление значения» [15, с. 32].

Использование лексических трансформаций при переводе художественного текста с одного языка на другой обусловлено различиями смысловой структуры слова двух сопоставимых языков. Чаще всего при выражении несущей информации исходного художественного текста переводчики используют следующие лексические трансформации: генерализацию, конкретизацию, антонимический перевод. При передаче той или иной единицы оригинала переводчик вправе сам решать, какими возможностями он воспользуется. Рассмотрим особенности использования лексических трансформаций переводчиками осетинской художественной прозы на русский язык.

Генерализацию в переводоведении обычно понимают как замену переводимой единицы, имеющей узкое значение, понятием с более широким, обобщающим значением. К замене частного общим авторы перевода нередко прибегают при отсутствии в переводящем языке прямых номинативных значений исходным единицам или для уточнения отдельных мест в переводе. С помощью подобной лексической трансформации переводчик вносит ряд дополнительных элементов в содержание понятия.

Рассмотрим примеры перевода на русский язык следующих фрагментов романа Т. Джатиева «Мæ урс дадалитæ» («Мои седые кудри») (перевод наш. – Е.Д.): *Мæнæн ме 'фсымæртимæ цæргæйæ нал у! – йæ хæрд фæуагъта Алимурза, фæгæпп кодта фынджы цурæй...* [6, с. 6] («Нет мне здесь житься!» – озлобился Алимурза **и перевернул столик, на котором лежали кусочки лепешки и стояли чашки с кислым молоком** [8, с. 205]). *Агуыбечыр хæстмæ нал ацыд (После свадьбы и злополучного похищения сестры Агубечир уже не возвращался на фронт).* В приве-

денных примерах переводчик использует прием генерализации, но замена конкретного понятия понятием более широкого объема не позволила переводчику выйти за пределы описываемых в отрывках ситуаций, исказить содержание предложений.

Или такие примеры из романа М. Цагараева «Сау хохы фиййау» («Пастух Черной горы» (перевод М. Блинковой)): *Муссеты кертэй барæг рахыт* [18, с. 121] (*А что делается на дворе Мусса? Вот кто-то выводит за ворота лошадь, великоленного скакуна самой дорогой кабардинской породы* [17, с. 147]); *Уæд ма Сьрдон дæр нал хонис...* [18, с. 223] (*И тогда, Фидар, ты не будешь называть меня Сьрдоном. Если бы тот Сьрдон, сын камня, о котором много веков подряд рассказывают у нас люди, был бы всегда умным, добрым и только бы выручал нартский народ от бед и напастей, я был бы рад моему имени. Но ведь тот Сьрдон, кроме того, и обманывал, и лукавил, и за обиды жестоко мстил каждому* [17, с. 150]).

Как видим, переводчики осетиноязычных текстов расширяют информацию переводимого текста для уточнения отдельных мест в описываемых ситуациях. Однако, на наш взгляд, переводчик повести М. Цагараева М. Блинкова не совсем верно информирует русскоязычного читателя об особенностях чудесного рождения героя нартского эпоса Сьрдона от водного божества Гатага и Дзерассы*.

Противоположную генерализации трансформационную операцию в теории перевода принято называть конкретизацией. С подобной передачей единиц исходного текста переводчик сталкивается в случае замены понятия с более широким объемом более конкретным, лаконичным содержанием. С «сужением» исходного текста мы сталкиваемся в случаях замены трансформируемого понятия тем конкретным, которое переводчику представляется наиболее подходящим в данном случае. Приведем приемы конкретизации в переводе: *Уæртæ та кружка йæ дзыхыл сдæрдта. Йæ былтæ асарфта æмæ барджытырдæм акаст, къух ныхыл сæваргæйæ. Чи сæ фæхуыдта, – нæ зонн, фæлæ фæцырдæр æмæ сыстад, йæ комдзаг тых ныхъуыр д акодта*

* Согласно нартскому эпосу, рожден из камня был Сослан из рода Ахсартагата. При виде полуобнаженной Сатаны пастух оплодотворил камень, из которого по истечении срока и был извлечен герой.

æмæ хурыскасæнырдæм аздахт... [6, с. 46] (*Дженалдыко кончил есть, повернулся к восходу солнышка* [8, с. 241]). Или такой пример из перевода другого произведения: *Чысыл фæстæдæр æнæсыбырттæй сæ цæссыг калдтой, Сосланма иу-дыууæ изæрастæу хъæзен нæуудзармыл кафгæйæ, донь чызджыты хуызæн, цы æнæцыд чызджытæ фæкастысты, уыдон* [2, с. 10] (*За ним, сгрудившись, молча плакали девушки* [3, с. 14]). Нетрудно заметить, что в указанных отрывках переводящие единицы по своему значению более лаконичны и конкретны, чем исходные.

Замену родового понятия видовым мы наблюдаем при передаче следующей информации исходного текста: *хæдзараразæг лæгæй, дам, калм дæр тæрсы, йæ дзытты, дам, ма куы авæра синаджы 'фсон* [14, с. 10] (*человека, который дом себе строит, даже гадюка боится: вдруг меня за веревочку примет и в карман сунет?* [9, с. 10]). В приведенном примере видно, что переводчик при переводе паремии оригинала заменяет понятие «калм» («змея») на «гадюка», обозначающее вид по отношению к понятию, выраженному в оригинале.

Антонимический перевод – трансформация утвердительной конструкции в отрицательную (или наоборот отрицательную – в утвердительную), сопровождаемая заменой одного из слов переводимого предложения исходного языка на его антоним в переводящем языке [1, с. 216], в основном встречается в русскоязычных переводах осетинской прозы при передаче образной лексики, в частности фразеологии. В каком случае переводчики прибегают к замене понятия противоположной конструкцией? По мнению Н.К. Гарбовского, «антонимический перевод может быть обусловлен асимметрией лексико-семантических систем, проявляющейся в том, что какое-либо понятие не имеет средств выражения в одном из языков, сталкивающихся в переводе» [5, с. 466–467].

Перейдем к конкретным примерам. Для передачи осетинского фразеологизма *ма ныфс нæ бахастон* (в значении «не отважился я») переводчик повести М. Цагараева «Сау хохы фиййау» («Пастух Черной горы») М. Блинкова использует антонимический перевод: *я уже набрался духу*. Замена отрицательного значения утвердительным позволила переводчику сохранить образность, обыгранную во фразеологической единице ориги-

нала. Или такие примеры передачи ФЕ исходного текста: *рухс у йае зæрдæ* (букв. «светло у него на сердце») (*он бывал за столом более озорным и веселым*), *зæрдæ бауынгаæ* (букв. «сердце сжалось») (*обрадовался*). Как легко заметить, в тексте перевода романа «Возвращение Урузмага» Н. Джусойты заменял исходные фразеологизмы противоположными по значению элементами переводящего языка.

К числу лексических трансформаций некоторые теоретики перевода относят транскрибирование и транслитерацию [10, с. 56]. Этими приемами перевода единиц исходного текста обычно пользуются при передаче имен собственных, географических названий, а также реалий – слов, обозначающих предметы, явления быта, характерные лишь для одного народа. Передача топонимов и антропонимов не вызывает особых трудностей у переводчиков осетиноязычных текстов. Как правило, при переводе они заимствуются – транскрибируются или транслитерируются: *Алимырза – Алимурза, Агуыбечыр – Агубечир, Дженалдыхъо – Дженалдыко, Уырызмаг – Урузмаг, Фидар – Фидар, Мусса – Мусса, Мæцыхъо – Мацико, Хъаныхъон – Канукон, Фаризет – Фаризет, Хъайсын – Кайсын, Ахсар – Ахсар, Дзауджыхъау – Дзауджикау, Урстуалта – Урстуалта, Хидыхъус – Хидикус, Беслаен – Беслан* и т.д.

В виде исключения переводчик может прибегнуть к калькированию, дословному переводу отдельных компонентов антропонима/топонима, к замене составных частей имен собственных «их прямыми лексическими соответствиями в переводящем языке» [1, с. 98–99]: *Къæйджын уæлвæз – Долина скал; Куырайтты хъæу – аул Мельничный; Уæллаг Садон – Верхний Садо; Дзуары рагъ – Святой перевал; Хусса – Южное село; Хурыхъау – село Солнечное; Райдзаст – Рассвет; Стыр фæзы хъæуы – село Большая Поляна; Зыгъар – Белолобый* и т.д.

Особую сложность для переводчиков осетиноязычных текстов представляет передача имен осетинских божеств, персонажей осетинской мифологии. Чаще всего они данные антропонимы транслитерируют/транскрибируют, но каждого в сноске снабжают комментарием. Приведем следующие примеры из русскоязычного перевода романа М. Булкаты «Нарты Сосланы æвдæм балц» («Седьмой поход Сослана Нарты» (пер. И. Булкаты)): *Лагты Дзуар – синоним Уастырджы, покровителя путников. Так называ-*

ли его женщины, потому что не имели права произносить мужское имя вслух. По преданию, у Уастырджы был трехногий конь; Афсати – бог зверей; Кар и Караф – боги холода и стужи; Куырдалагон – небесный кузнец; Сафа – бог очага, надочажной цепи, холодного оружия, семьи...; Мыкалгабыр (в осетинской мифологии) – архангелы Михаил и Гавриил. Последний тост произносится во славу Мыкалгабыра; Элиа и Уацилла – боги грома и ветра. В последнем примере переводчик И. Булкаты, как представляется, не совсем верно проинформировал русскоязычного читателя. Как известно, покровителем ветров в пантеоне религиозных воззрений осетин был Галагон, а гроза и молния были в расположении Уацилла (диг. Елия).

При переводе антропонимов *Барастыр, Уастырджы, Аминон* Н. Джусойты в автопереводе повести «Адаймаджы малет» («Возвращение Урузмага») также использует метод комментирующего пояснения в сноске: *Уастырджы – языческое божество, покровитель мужчин, воинов, путников; Барастыр – в осетинской мифологии привратник царства мертвых; Аминон – царь мертвых. Правда, авторы словаря «Этнография и мифология осетин» А.Б. Дзадзиев, Х.В. Дзупев, С.М. Караев отмечают у Барастыра и Аминона совсем противоположные функции в загробном мире. Барастыр обозначен владыкой загробного мира [7, с. 36], а Аминон – «грозный страж ворот “Страны мертвых”, куда можно попасть только до заката солнца» [7, с. 15]. И только по распоряжению Барастыра Аминон открывает ворота в Страну мертвых.*

Нередко именам собственным в художественных произведениях осетинских писателей отводится роль своеобразных характеристик, которые, являясь символами тех или иных качеств и представлений, вносят дополнительный смысл в переводимый текст. К категории значащих имен собственных теоретики перевода относят «говорящие имена». С. Влахов и С. Флорин различают «характеристические имена», 1) обычно не подлежащие переводу, т.к. их назывная функция все же преобладает над коммуникативной (план выражения заслоняет план содержания), 2) поддающиеся переводу в зависимости от контекста, который может «высветлить» их содержание, и 3) требующие такого перевода или такой постановки, при которых можно было бы воспринять как назывное, так и семантическое значение

(каламбуры) [4, с. 216]. Так, в рассказе М. Цагараева «Мады зарæг» («Материнская песня») как средство художественного изображения в качестве сравнения употребляется имя одного из героев Нартского эпоса Сырдона. Образ этого героя ассоциируется у осетинского читателя с определенными качествами человека – хитростью, лукавством, находчивостью. Поняв заложенный в форме слова смысл, переводчик Б. Рунин не транскрибирует имя нартского героя, а, учитывая контекст, передает как «сказочный жулик» [16, с. 452], что вполне, на наш взгляд, правильно.

Давать определенную характеристику своим персонажам через имена свойственно и другому видному осетинскому прозаику Д. Мамсурову. В рассказе «Цыт» («Слава») автор одного из своих героев именуется как *Дзынга*: *Одни говорили: потому что у него глаза серые и большие, как у комара. Другие – потому, что усы у него длинные и закрученные вверх... Многие же были склонны предполагать, что прозвали его так за то, что он держал батраков и, как комар, высасывал из них кровь...* [13, с. 232]. При передаче на русский язык переводчик рассказа В. Владимиров отказался от прямого перевода номинативного значения данного антропонима, использует транслитерацию, а в сноске счел нужным объяснить: *Дзынга – по осетински означает комар*. Как легко заметить, Владимиров не совсем правильно передал лексическое значение исходного слова. В другом варианте перевода одноименного рассказа переводчик также использовал транслитерацию и верно поясняет в сноске, что *дзынга* в переводе с осетинского означает *овод* [12, с. 149]. Подобный прием при передаче имени другого персонажа рассказа Д. Мамсурова «Хъæндил» («Жук») использован переводчиком А. Ольшанским: *Кандил означает «жук» или «таракан»* [11, с. 161]. Прозвище, данное главному герою рассказа, указывает на определенный тип поведения и примечательную черту его характера. Безусловно, сам контекст подсказывал переводчику смысл данного антропонима: *Он не спеша набирает полную ложку шандага (в пер. с осет. «тюря». – Д.Е.), осторожно подносит ко рту, аппетитно схлебывает молоко, старательно слизывает оставшиеся на ней крошки кукурузного чурека и, тщательно разжевывая их, сопит волосатым носом. После каждой ложки шандага он поглажи-*

вает длинные усы, снимая задержавшиеся на них капли молока, вытирает руку о суконную ноговицу. Иной раз, когда ему бывает лень обеспокоить свою руку, он захватывает усы языком в рот и смачно обсасывает их [11, с. 159]. Как видно, переводчик верно донес до сознания читателя внутреннее содержание указанного имени.

Широко применяется транслитерация/транскрипция при передаче иноязычных реалий. Не секрет, что особую сложность при переводе художественного текста составляет трансформация слов и словосочетаний, «называющих объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому» [4, с. 47].

Механическое перенесение слов-реалий – наиболее часто используемый переводчиками способ, обеспечивающий возможность передать в переводе оригинальную фонетическую/графическую форму исходного слова: *гыци* – *гыци*, *фынг* – *фынг*, *туман* – *туман*, *арчъитæ* – *арчита*, *зиу* – *зиу* и т.д. Передача слов-реалий графическими и фонетическими средствами переводящего языка дает переводчику возможность сохранить национальный колорит переводимого текста.

Таким образом, в ходе сравнительно-сопоставительного анализа разноязычных текстов мы попытались проследить разнообразные возможности передачи смысла и образов с исходного языка на переводящий. Использование лексических трансформаций как особых переводческих преобразований в художественном переводе осетинской прозы позволяет достичь адекватной передачи единиц исходного текста. В конкретном случае переводчик ищет оптимальные пути преобразования планов содержания и выражения единиц в соответствии с нормами переводного знака.

Литература

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., 1975.
2. Булкаты М. Нарты Сосланы æвдæм балц. Роман. Цхинвал : Ирыстон, 1988.
3. Булкаты М. Седьмой поход Сослана Нарты: роман / пер. с осет. М. : Сов. писатель, 1989.
4. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Междунар. отношения, 1980.
5. Гарбовский Н.К. Теория перевода : учебник. 2-е изд. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2007.
6. Дзæдтиатæ Т. Мæ урс дадалитæ. Назиратæ радзырдтæ. Орджоникидзе, 1965.

7. Дзадзиев А.Б., Дзуцев Х.В., Караев С.М. Этнография и мифология осетин: краткий словарь. Владикавказ, 1994.

8. Джатиев Т. Мои седые кудри // Джатиев Т. Мои седые кудри: повести / авт. пер. с осет. М. : Сов. писатель, 1972.

9. Джусойты Н.Г. Возвращение Урузмага // Джусойты Н.Г. Реки вспять не текут: повести / авт. пер. с осет. М. : Сов. писатель, 1981.

10. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. М., 2004.

11. Мамсуров Д. Жук. Рассказ / пер. с осет. А. Ольшанского // Мамсуров Д. Рассказы / пер. с осет., вступ. ст. Л. Либединой. М. : Худож. лит., 1979.

12. Мамсуров Д. Слава / пер. с осет. // Мамсуров Д. Избранные рассказы / пер. с осет. М. : Худож. лит., 1958.

13. Мамсуров Д. Слава / пер. с осет. // Осетинская литература. М., 1952.

14. Нафи. Адаймаджи малят (Уацаутæ). Цхинвал : Ирystон, 1976.

15. Огнева Е.А. Художественный перевод: проблемы передачи компонентов переводческого кода : моногр. Белгород : Изд-во БелГУ, 2004.

16. Цагараев М. Материнская песня // Цагараев М. Осетинская быль: повести. Рассказы. Этюды / авт. пер. с осет. М. : Сов. писатель, 1975.

17. Цагараев М. Пастух Черной горы / пер. М. Блинковой // Цагараев М. Осетинская быль: повести и рассказы. М. : Сов. писатель, 1965.

18. Цагæраты М. Сау хохы фиййау. Повесть // Цагæраты М. Равзæрт уацмыстæ. Дыууæ томæй. Орджоникидзе : Ир, 1975.

Use of lexical transformations as the means of achievement of adequacy of a fiction text

There is covered one of the scantily investigated issues of theory and experience of a fiction translation – achievement of its adequacy by the way of use of lexical transformations. On the basis of comparative analysis of two-language texts (Ossetian → Russian) there is considered the potential of transfer of meaning and images from the original language to the translating one.

Key words: *adequacy, original language, original text, translating language, translated text, text under translation, transformation.*

Т.В. УСТИНОВА

(Омск)

КОНТЕКСТНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ ВНИМАНИЯ В СТИХОТВОРНОЙ РЕЧИ И СЕМАНТИКА ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВА

Характеризуется возможность использования положений «аттенциональной семантики» Л. Талми применительно к анализу стихотворной речи. На материале текстов американских «языковых поэтов» Ч. Бернстина и Л. Хеджиян рассматривается фактор контекстного влияния на сдвиг фокуса внимания в процессе языковой организации содержания высказывания, описываются стратегии языковой реализации контекстно обусловленных аттенциональных эффектов.

Ключевые слова: *фокус внимания, выдвигание, семантические модификации, «языковая поэзия».*

Тема «профилирования внимания» сегодня получает широкое распространение в лингвистике в связи с изучением проблемы когнитивной выделенности в процессе восприятия и языковой концептуализации действительности (см., напр., [4; 5] и библиографию к ним).

Распространение термина «фокус внимания» (далее – ФВ) и инициация исследований соответствующей проблематики связаны, прежде всего, с именем американского типолога Л. Талми [14], который проанализировал «лексическую заданность распределения внимания говорящего в некоторых контекстах» [5, с. 289]. Очевидно, что в ряде случаев фокусировка внимания «предписана отношениями реальной жизни (или узусом ее восприятия)» – «среди разных концептуализаций одни бывают более естественными, другие практически исключены» [3, с. 157]. Однако дальнейшего научного осмысления требует языковая организация содержания высказывания, соответствующего уникальной концептуализации воспринимаемого фрагмента действительности.

В работах Л. Талми показано наличие в языке многочисленных факторов, «устанавливающих объект и силу внимания» в процессе порождения и восприятия речи [14, с. 4]. Эти факторы учитывают разнообразные свойства «морфемы». В терминологии Л. Талми мор-